

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело №45-АПУ21-1сп

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

14 сентября 2021 года

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Червоткина А.С.,
судей Кочиной И.Г., Истоминой Г.Н.,
с участием:

прокурора Телешевой-Курицкой Н.А.,
осужденных Едигаряна А.С., Алиева Р.А.,
адвокатов Анисимовой О.Б., Логинова Д.Н., Мархулия Р.Г., Гаргат О.В.,
переводчика - С [REDACTED]
при секретаре Димаковой Д.Н.,

рассмотрела в судебном заседании уголовное дело по апелляционным жалобам адвокатов Анисимовой О.Б., Гаргат О.В., Мархулия Р.Г., Свинцицкой В.В., Абшилавы Г.В., Логинова Д.Н., осужденного Алиева Р.А. на приговор Свердловского областного суда от 5 апреля 2018 года с участием присяжных заседателей которым

Едигарян Арам Согомонович, [REDACTED]

[REDACTED], несудимый,
осужден по ч.3 ст.33, п.«з» ч.2 ст.105 УК РФ (в редакции ФЗ от 21.07.2004 г. №73) к лишению свободы на 14 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Алиев Руслан Абдуллаевич, [REDACTED]

[REDACTED],
судимый:

- 23 ноября 1993 г. по п."а" ст.242, ч.2 ст.108, п."в" ст.244, 40 УК РСФСР, к 9 годам лишения свободы, освобожденный 2 апреля 1999 г. условно-досрочно на 2 года 8 месяцев 19 дней,

- 5 февраля 2009 г. (с учетом изменений) по п.п."а", "г", "д" ч.2 ст.161 УК РФ к 4 годам лишения свободы, освобожденный 12 мая 2010 г. условно-досрочно на 1 год 10 месяцев,

осужден:

- по ч.ч. 4,5 ст.33, п.п."е", "з" ч.2 ст.105 УК РФ (в редакции ФЗ от 21.07.2004 г. №73) к 13 годам лишения свободы,

- по ч.2 ст.222 УК РФ (в редакции ФЗ от 25.06.98 г. №92) к 2 годам лишения свободы с освобождением от отбывания наказания на основании ст. 78 УК РФ за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности,

- на основании ч.5 ст. 69 УК РФ, путем частичного сложения с наказанием по приговору от 5 февраля 2009 г., - к 14 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Заслушав доклад судьи Кочиной И.Г., выступления осужденных Едигаряна АС. и Алиева Р.А., адвокатов Анисимовой О.Б., Логинова Д.Н., Гаргат О.В., Мархулия Р.Г., поддержавших доводы апелляционных жалоб и дополнений к ним, прокурора Телешевой-Курицкой Н.А., не усматривающей оснований для отмены или изменения приговора, Судебная коллегия

у с т а н о в и л а:

По приговору суда на основании вердикта коллегии присяжных заседателей признаны виновными и осуждены: Едигарян АС. за организацию убийства Г [] по найму, Алиев Р.А. - за подстрекательство и пособничество в убийстве Г [] по найму и общеопасным способом, а также за незаконную перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенную группой лиц по предварительному сговору.

Преступления совершены в 2003 году в г. [] при изложенных в приговоре обстоятельствах.

В апелляционной жалобе адвокат Анисимова О.Б. в защиту Едигаряна считает приговор незаконным и постановленным с существенными нарушениями УПК РФ.

В нарушение ч.3 ст.335 УПК РФ защитникам Едигаряна, в том числе и ей, не была предоставлена возможность выступить со вступительным заявлением.

Указывает, что в нарушение ст. 333 УПК РФ присяжные заседатели К [], Л [] и М [] еще до обсуждения вопросов при вынесении вердикта высказывали свое убеждение о виновности подсудимых, формируя негативное к ним отношение. Судебным приставом был обеспечен доступ к дверям совещательной комнаты свидетелей обвинения Ш [] У [],

потерпевшего Г [] и эксперта Г [] было организовано непосредственное общение их с присяжными заседателями по обстоятельствам дела вне зала суда, им же были представлены пули и гильзы без упаковки как вещественные доказательства, хотя в зале суда они не исследовались. Контактируя с присяжными, судебный пристав высказывал негативное мнение о подсудимых и оказывал на присяжных давление, которое сказалось на вердикте. В день вынесения вердикта и в период его обсуждения в совещательной комнате в нарушение требований ч.2 ст.341 УПК РФ находился присяжный заседатель М [] который неоднократно в момент обсуждения вердикта заходил в совещательную комнату и выходил из неё. Кроме того, в совещательную комнату к присяжным приходили секретари судебного заседания Р [] и А [] которые сообщали присяжным информацию об уголовных делах в отношении Б [], основного свидетеля обвинения, что нарушило объективность восприятия доказательств присяжными. Считает, что приведенные нарушения были совершены с согласия председательствующего, который нарушал принцип состязательности сторон, проявлял явно обвинительный уклон, предоставлял обвинению преимущества и препятствовал защите в осуществлении своих прав. В подтверждение своих доводов о допущенных судом нарушениях адвокат прикладывает копии адвокатских опросов присяжных заседателей К [], Ж [], Б [] и К [].

О необъективности суда, по ее мнению, свидетельствует отказ в истребовании из уголовного дела Б [] заявления последнего об оговоре Едигаряна, информации о переходе права собственности на имущество убитого Г [], которая имела отношение к мотиву преступления.

В нарушение требований ст. 271 УПК РФ защите было отказано в допросе с участием присяжных явившихся в суд специалистов К [] и М []. При наличии явных противоречий в имеющихся в деле заключениях почерковедческой и судебной медицинской экспертизы, а также по результатам допроса эксперта Г [], практически своими ответами подтвердившего необходимость проведения комплексной ситуационной экспертизы, суд необоснованно отказал в назначении таких экспертиз.

В нарушение требований ст.281 УПК РФ отказано в оглашении показаний свидетеля Г [] (вдовы погибшего) при её заявлении о невозможности явки и ходатайстве об оглашении показаний. Лишь после заявленного отвода председательствующему последний, отказав в нем, позволил огласить защите три строчки из показаний важного для защиты свидетеля.

При произнесении напутственного слова председательствующий в нарушение ст. 340 УПК РФ нарушил принцип объективности и беспристрастности, огласив показания свидетелей и иные доказательства в определенном ракурсе в обоснование обвинения, изложив их в той части, которая способствовала обвинительному вердикту.

При составлении вопросного листа были нарушены требования ст.ст.338 и 334 УПК РФ, проигнорировано ходатайство защиты о постановке вопросов в ином виде, вопросный лист составлен без учета результатов судебного следствия, и мнения стороны защиты. 1-й вопрос не имел отношения к инкриминируемому Едигаряну преступлению, т.к. касался непосредственно обстоятельств убийства Г [] которые суд запретил исследовать даже стороне обвинения.

С учетом изложенного просит прекратить уголовное дело в отношении Едигаряна ввиду истечения сроков давности, либо приговор отменить и дело направить на новое рассмотрение.

Адвокаты Абшилава Г.В. и Логинов Д.Н. в защиту Едигаряна в совместной апелляционной жалобе считают приговор постановленным с существенными нарушениями УПК РФ.

Указывают, что беспристрастность председательствующего вызвала сомнения, однако в удовлетворении отвода было необоснованно отказано.

Адвокат Абшилава считает, что был нарушен порядок формирования коллегии присяжных заседателей, были отклонены и оставлены без ответа вопросы защитников, что помешало защите заявить мотивированные отводы, стороне защиты не было предоставлено право первой проводить опрос оставшихся кандидатов. Несмотря на возражения защиты против дальнейшего участия кандидатов №16 - И [], №3 Б [] №8 В [] они участвовали в дальнейшем отборе.

Адвокаты указывают, что председательствующим необоснованно отказано в удовлетворении ходатайства стороны защиты об исключении из числа доказательств протокола осмотра места происшествия, протокола допроса Б [] от 28.02.2018 года, в судебном заседании председательствующий необоснованно не разъяснил ему содержание ст.ст.47, 56 УПК РФ и ответственность по ст.ст.306, 307 УПК РФ, незаконно исследовал с присяжными заседателями свидетельство о смерти Ш [], которое не было предварительно приобщено к материалам дела, признал преюдиционным приговор в отношении Б [], отклонил ходатайство стороны защиты об оглашении протокола явки с повинной Б [] и заключенного с ним соглашения о сотрудничестве, снял вопросы адвокатов Б [] и М [], А [] и С [] к свидетелям Г [] и У [] об обстоятельствах, имеющих отношение к делу, установил личность свидетеля В [] в присутствии присяжных, огласил показания свидетеля С [] при отсутствии на то оснований, необоснованно отказывал в удовлетворении ходатайств об истребовании дополнительных доказательств, в том числе об оглашении явки с повинной Б [] и досудебного соглашения о сотрудничестве.

Нарушая требования ст. 243 и 244 УПК РФ председательствующий не принял мер по обеспечению состязательности и равноправия сторон, не скрывая своего одобрительного отношения к обвинению, ограничивал

адвокатов во времени в период выступлений в прениях сторон, во время прений адвоката Баторского Н.Д. высказался, чтобы присяжные не принимали во внимание его "домыслы", прерывал выступление адвокатов Свинцицкой, Логинова, Гаргат, а после остановки государственного обвинителя не обратился к присяжным с соответствующими разъяснениями. Полагает, что председательствующий создал условия преимущественного положения для государственного обвинителя и доказательств обвинения, дважды указал о согласии председательствующего с позицией обвинения, не делал замечаний государственному обвинителю, в нарушение принципов равенства и состязательности необоснованно отклонял заявления и ходатайства защиты, отказал в дополнительном допросе эксперта Г [REDACTED] допросах с участием присяжных заседателей явившихся специалистов К [REDACTED] и М [REDACTED], в назначении повторной судебно-почерковедческой экспертизы.

По мнению стороны защиты, председательствующим нарушены требования ст.ст.338, 339, 243 и 244 УПК РФ УПК РФ поскольку вопросы сформированы без учета результатов судебного следствия и прений сторон, при том, что сторона обвинения устранилась от участия в формировании вопросов, лишил защиту права высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых, в том числе о наличии фактических обстоятельств, исключающих ответственность или влекущих ответственность за менее тяжкое преступление. В ходе обсуждения вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, мнение подсудимых не выяснял, без учета замечаний и предложений защиты в совещательной комнате окончательно сформулировал вопросы, которые впоследствии не были переведены на армянский язык. В нарушение им же установленного запрета ссылаться и указывать на обстоятельства убийства, совершенного другим лицом, без учета мнений сторон председательствующий указал в вопросном листе о данном преступлении во всех подробностях и лице, его совершившем. Сформированные вопросы в присутствии присяжных не огласил, сразу передал вопросный лист старшине, перед удалением в совещательную комнату отказал присяжным в разъяснении возникших неясностей в связи с поставленными вопросами.

В нарушение ст.ст.243, 244, 340 УПК РФ, произнося напутственное слово, председательствующий дал положительную оценку доказательствам обвинения и отрицательную оценку доказательствам защиты, допустил нарушение принципа объективности и беспристрастности, высказал суждение о доказанности обвинения, дал оценку показаниям свидетелей А [REDACTED] Г [REDACTED] Б [REDACTED], К [REDACTED] О [REDACTED], С [REDACTED] в искаженном свете. Письменный текст напутственного слова не соответствует зачитанному председательствующим.

Указывают на присутствие в совещательной комнате запасного присяжного М [REDACTED], судебного пристава, секретарей судебного заседания, оказание давления на присяжных судебным приставом, который приводил в совещательную комнату свидетелей, потерпевшего, эксперта Г [REDACTED],

приносил патроны, уходил к судье согласовывать вопросы и возвращался с ответами, а секретари говорили о доказанности обвинения, о вступивших в силу приговорах в отношении С [] и Б [], чем нарушил требования УПК РФ.

Кроме того, адвокат Абшилава Г.В. указывает, что председательствующий по делу при продлении сроков содержания под стражей высказал суждение о виновности осужденных, считает недопустимым доказательством заключение эксперта Б [], поскольку оно основано на неправильных методиках, что следовало из заключения и пояснений специалиста К [], которого в нарушение закона не позволили допросить с участием присяжных и необоснованно отказали в проведении соответствующей повторной экспертизы.

Считает незаконным отказ председательствующего в ознакомлении с материалами дела и вещественными доказательствами, в части установления Едигаряну сроков дополнительного ознакомления, оспаривает решение суда о возврате его жалоб на указанные решения, высказывает несогласие с отклонением практически всех его замечаний на протокол судебного заседания.

Полагает, что дело изначально подлежало возврату прокурору поскольку Едигаряну на всех стадиях судопроизводства не были разъяснены права на понятном ему языке, не было проведено объективного расследования, материалы уголовного дела не были переведены на армянский язык, представленными доказательствами виновность и участие Едигаряна в совершении преступления не подтверждаются, в обвинительном заключении не содержится полного перечня доказательств.

Оба адвоката и осужденный Едигарян просят прекратить уголовное дело в связи с истечением сроков давности уголовного преследования либо приговор отменить и дело вернуть на новое рассмотрение.

В совместной жалобе и дополнениях в защиту Алиева адвокаты Гаргат О.В. и Мархулия Р.Г. приводят аналогичные доводы о незаконном воздействии на присяжных, лицами, перечисленными адвокатом Анисимовой, об ограничении прав защиты, необоснованном отказе в исследовании данных о личности осужденных и лишении тем самым возможности опровергнуть инкриминируемый мотив, необоснованном отказе в назначении повторной почерковедческой экспертизы, в исследовании поступившего из ОВД г. [] уголовного дела, свидетельствующего о наличии у Алиева алиби.

Обращают внимание, что свидетели Г [] Ш [] У [] Ч [] С [] главный свидетель Б [] были допрошены в отсутствие потерпевших Г [] и Б [] согласие сторон на допрос не выяснялось, как и мнение потерпевших о возможности рассмотрения дела в их отсутствие, Б [] не предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Допрос Б [] в отсутствие очевидца потерпевшего Б [] не позволил выяснить многие противоречия в их показаниях. Незаконное ограничение своих прав усматривают и в том, что суд

не дал защите выяснить с участием присяжных мотивы, по которым Б [] дал ложные показания, считают незаконным оглашение его показаний, данных в ходе следствия, поскольку противоречий не имелось.

Приводят доводы о необоснованном отказе в допросе перед присяжными специалиста К [], исследовании его заключения, отмечают, что суд в нарушение принципа равенства сторон, не позволил защите высказать свое суждение по заключению эксперта Б [], однако при этом не прерывал государственного обвинителя. Полагают необоснованным отказ суда в исследовании перед присяжными явки Б [] с повинной и его соглашения о сотрудничестве, полагают необоснованно отказано в допросе специалиста М [], необходимость которого была обусловлена проверкой соотносимости показаний Б [] с материалами дела и показаниями очевидцев Б [] и В []. Считают, что суд необоснованно отказал в дополнительном допросе эксперта Г [] который был обусловлен отказом в допросе специалиста М [].

Обращают внимание, что на упаковке пуль и гильз, представленных в суд по ходатайству защиты для их осмотра, указана дата их изъятия на день раньше убийства, в связи с чем имеются сомнения в их относимости, что присяжным вне судебного заседания судебным приставом были представлены пули и гильзы без упаковки и соблюдения необходимых формальностей.

Отмечают, что при допросе свидетеля Г [] необоснованно отклонен вопрос адвоката Мархулии о внешнем виде Едигаряна в день убийства, тогда как на предыдущих заседаниях этот вопрос выяснялся у свидетеля У [] и потерпевшего Г [] отклонен вопрос адвоката Мархулия в части выяснения материального положения Алиева для установления наличия или отсутствия корыстного мотива и вопрос адвоката Баторского. При допросе свидетели Ш [], Ш [] и У [] ссылались на источник своей осведомленности некоего дедушку, который умер, в связи с чем было невозможно подтвердить правдивость их показаний, однако суд не отвел вопросы обвинения и позволил выяснять данный вопрос, незаконно приобщил к делу копию свидетельства о смерти и сослался на данные показания в напутственном слове. В нарушение ч.ч. 1 и 3 ст. 281 УПК РФ оглашены показания С [] при отсутствии противоречий. Председательствующим безосновательно снимались вопросы защитников Мархулия (стр. 108), Абшилавы и Свинцицкой (стр. 111, 121, 118, 131, 138, 139), Анисимовой (стр. 119-120), Омарбекова (стр. 137), Гаргат (стр.223-224, 225). Указывают, что защитой предпринимались попытки вызова потерпевшей Г [] однако суд не оказал поддержки и не обеспечил возможность её допроса путем видеоконференц-связи, а её показания на следствии были оглашены лишь в минимальной части. Считают, что такими действиями суда у присяжных было сформировано мнение о единственно возможной версии убийства - при описанных в обвинительном заключении обстоятельствах.

Считают, что суд необоснованно запретил исследовать данные о личности обвиняемых в той мере, в какой они были необходимы для

установления или опровержения инкриминируемого мотива. Полагают, что в нарушение права на защиту суд отказал в большей части ходатайств, в том числе направленных на подтверждение алиби Алиева. При допросе последнего в нарушение принципа равенства сторон снималась большая часть вопросов защиты. Такое же нарушение было и при допросе Едигаряна. Полагают, что вопреки возражениям суд незаконно удовлетворил ходатайство обвинения о просмотре видеозаписи проверки показаний Б [REDACTED] которая отсутствовала в данном деле и находилась в другом, поскольку сторона защиты при выполнении требований ст.217 УПК РФ с ней не знакомилась. Председательствующий не разъяснил присяжным положения п.5 ч.3 ст.340 УПК РФ, допустил изменение государственным обвинителем мотива совершения преступления "с корыстных побуждений" на "личную неприязнь". Вследствие допускаемых судом ограничений прав защиты председательствующему был заявлен отвод, который необоснованно отклонен.

Перед началом прений председательствующий напомнил сторонам о правилах поведения, указал, что подлежат выяснению вопросы был ли факт убийства, является ли Едигарян организатором, является ли Алиев пособником и подстрекателем, но при этом суд запретил в прениях касаться вопросов непосредственного исполнителя убийства и факта приобретения Б [REDACTED] оружия, чем блокировал возможность анализа обстоятельств убийства, без которого невозможно было решить вопрос о виновности осужденных.

Считают, что допущены судом и нарушения при обращении к присяжным с напутственным словом. При изложении исследованных доказательств суд уделил основное внимание доказательствам, уличающим подсудимых, и не донес до сведения присяжных доказательства их оправдывающие, не изложил ни одного доказательства о невиновности. Так, не были приведены показания Г [REDACTED] его объяснения о причинах изменения показаний, не изложены показания Д [REDACTED] А [REDACTED] С [REDACTED] А [REDACTED], Ш [REDACTED] Е [REDACTED] К [REDACTED], М [REDACTED], Ф [REDACTED] Г [REDACTED], не изложены документы, свидетельствующие об алиби Алиева. Обращают внимание, что в вопросный лист не было включено ни одно предложение и замечание стороны защиты. Ссылаясь на публикацию из средств массовой информации, адвокаты полагают, что была нарушена тайна совещательной комнаты по ранее приведенным основаниям.

Считают неправильной ссылку суда на редакцию ст. 105 УК РФ от 2004 года, поскольку на момент совершения деяния существовала другая редакция, оспаривают осуждение Алиева по ст.222 УК РФ, указывают, что в приговоре при описании деяния квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц по предварительному сговору не описан и не мотивирован.

Отмечают, что потерпевший Б [REDACTED] в суде отказался от заявленных исковых требований, однако в приговоре отсутствует указание об этом, в связи с чем, полагают необходимым прекратить производство по иску. Кроме того,

суд не указал о снятии ареста на ранее арестованный постановлением от 09.02.2016 г. автомобиль « », принадлежащий Алиеву.

Указывают, что при вынесении приговора суд не учел данные о личности Алиева, имеющееся заболевание, связанное с травмой головного мозга, назначив несправедливое и чрезмерно суровое наказание.

Просят прекратить уголовное дело в отношении Алиева в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, либо приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение.

Адвокат Свинцицкая В.В. в защиту Алиева в апелляционной жалобе считает приговор незаконным. Отмечает, что он постановлен с нарушениями принципов судопроизводства, установленных ст.ст.14,15 УПК РФ. В опровержение доводов обвинения о времени написания Алиевым подписи в объяснениях по другому уголовному делу в 2003 г. защитой было заявлено ходатайство о приобщении и исследовании заключения специалиста К о допущенных экспертом Б нарушениях методик, отраженных в её заключении № от 28.10.2016 г., а также о назначении повторной почерковедческой экспертизы, в чем постановлением председательствующего от 19.03.2018 г. было необоснованно отказано, что свидетельствует о нарушении равноправия сторон на представление доказательств.

Обращает внимание, что статус Б основного свидетеля обвинения, был определен как очевидец, однако УПК не содержит такого понятия и не регламентирует его права и обязанности. Об уголовной ответственности по ст.ст. 307 и 308 УПК он не предупреждался, условия сделки с ним не оглашались и не исследовались. В связи с чем, невозможно судить о достоверности его показаний. О недостоверности его показаний свидетельствуют противоречия в части описания преступления и показания эксперта Г в судебном заседании о расстоянии, с которого производились выстрелы. Для устранения этих противоречий было заявлено ходатайство о проведении комплексной судебно-ситуационной экспертизы, в чем также было необоснованно отказано постановлением от 21.03.2018 г. Помимо отклонения перечисленных ходатайств председательствующим были отведены практически все вопросы защиты, имеющие целью устранить без экспертизы эти противоречия. Полагает, что такие действия суда негативно повлияли на мнение присяжных, что привело к вынесению неправосудного вердикта.

Просит об отмене приговора и других указанных постановлений, передаче дела на новое рассмотрение и изменение меры пресечения в отношении Алиева с освобождением его из-под стражи.

Осужденный Алиев Р.А. также считает, что обвинительный вердикт присяжных вынесен под воздействием обвинительного уклона суда, который изначально блокировал все попытки стороны защиты довести до присяжных их позицию, любые ходатайства защиты отклонял, не давал допросить

специалистов в присутствии присяжных, участников со стороны защиты перебивал, останавливал и прерывал, при том, что стороне обвинения препятствия не чинил.

Эксперт Г [] вопреки своим письменным выводам при допросе в суде всячески пытался дать нужные обвинению ответы, чтобы обосновать показания Б [] о расстоянии, с которого тот производил выстрелы. Считает, что показания Б [] о том, что он стрелял практически в упор опровергаются материалами дела, поскольку на потерпевшем нет следов пороха, копоти или гари, раневые каналы проходят снизу вверх, а не сверху вниз, как об этом показывал свидетель. По заключению эксперта выстрелы были с неблизкого расстояния. Показания Б [] опровергаются показаниями свидетелей В [] Б [], потерпевшей Г [] Б [] взял на себя это убийство, чтобы избежать суровой ответственности за убийство 4-х человек на ритуальной почве. Чтобы не получить пожизненный срок Б [] заключил сделку, оклеветал его и Едигаряна. Еще в 2008 г. у него с Б [] был конфликт, вследствие чего последний испытывал к нему ненависть. Указывает, что суд не дал возможности выяснить обстоятельства убийства, хотя в вопросном листе поставил об этом вопрос. Ему инкриминировался корыстный мотив, однако суд не дал возможности довести до присяжных сведения о его материальном положении, свидетельствующие, что он не нуждался в деньгах, тем более, добытых криминальным способом. Не дал суд довести до присяжных информацию, почему Б [] его оговорил, причины имевшего ранее между ними конфликта. Утверждает, что 26 декабря 2003 г., то есть в день убийства, находился в Д [] что подтверждается материалами уголовного дела из Б [] которое суд не дал исследовать перед присяжными. Отмечает, что в деле есть заключение эксперта Б [] о том, что его подпись в объяснениях не соответствует образцам его подписи за 2003 г., а соответствует образцам, сделанным в более поздний период. Однако специалист К [] опроверг данный вывод. Суд не дал исследовать его заключение, но в его допросе было отказано.

Высказывает предположение о нарушении тайны совещательной комнаты, обращает внимание, что в дверь, куда уходили присяжные, заходили потерпевший Г [] и ряд свидетелей обвинения.

Считает чрезмерно суровым назначенное наказание, без учета фактической роли и сравнивает его с наказанием, назначенным Б []

Просит прекратить уголовное дело ввиду истечения сроков давности уголовного преследования либо отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение.

В возражениях на жалобы государственный обвинитель Паникаров Г.В., полагая приговор законным и обоснованным, просит оставить его без изменения.

Проверив материалы дела, доводы апелляционных жалоб, дополнений и возражений, Судебная коллегия считает, что обвинительный приговор в отношении Алиева и Едигаряна постановлен в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей, основанном на всестороннем и полном исследовании представленных сторонами доказательств.

Уголовное дело поступило в суд с обвинительным заключением, которое, вопреки доводам стороны защиты соответствует положениям ст.220 УПК РФ, препятствий для рассмотрения дела в судебном заседании не имелось, в связи с чем судом правомерно отказано в удовлетворении ходатайств о возвращении дела прокурору. Принятые судом решения по данным вопросам изложены в постановлении о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания (т.20 л.д.157-160) и в протоколе судебного заседания 22 февраля 2018 года (т.21 л.д.192).

Доводы стороны защиты, которые приводились в обоснование ходатайств (о нарушении порядка привлечения и допроса Едигаряна в качестве обвиняемого, нарушении требований ст. 217 УПК РФ, содержания обвинительного заключения и прав Едигаряна) были предметом рассмотрения суда в ходе предварительного слушания и в подготовительной части основного судебного заседания и мотивированно отвергнуты, поскольку своего подтверждения не нашли.

После возвращения судом 12 сентября 2017 года уголовного дела прокурору (т.16 л.д.156-161) вследствие нарушений права на защиту, в том числе и по приведенным в настоящее время основаниям, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление о привлечении в качестве гражданского ответчика, протоколы наложения ареста на имущество и денежные средства, а также копия обвинительного заключения (т.19 л.д.231) переведены на язык, которым владеет Едигарян и ему вручены.

Иные доводы о нарушениях, якобы, допущенных органом предварительного расследования (нарушение законности и порядка наложения ареста на имущество, формальное ознакомление с постановлениями о назначении и проведении экспертиз и заключениями экспертов, приведение в обвинительном заключении недопустимых, недостоверных и неотносимых доказательств, неперевод Едигаряну на родной язык и невручение протокола опознания, постановлений о назначении экспертиз, заключений экспертов, постановления о возбуждении ходатайства о даче разрешения на производство обыска в жилище, протокола обыска, протоколов допросов различных лиц, постановления о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество, постановление суда о наложении ареста) не являлись препятствием для рассмотрения дела судом.

Уголовное дело рассмотрено законным составом суда.

Заявленный адвокатом Баторским Н.Д. и поддержанный другими участниками со стороны защиты отвод председательствующему по делу

рассмотрен в соответствии с положениями ст.65 УПК РФ, в удовлетворении отвода правомерно отказано, поскольку оснований, исключающих участие в деле судьи М [] и дающие основания полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела, не имелось (т. 21 л.д.47). Доводы стороны защиты о том, что председательствующий при решении вопросов о мере пресечения в отношении Алиева и Едигаряна допускал высказывания, ставящие под сомнение его объективность при рассмотрении дела, опровергаются соответствующими постановлениями судьи (т.20 л.д.157-160, т. 21 л.д. 80-82), в которых таких формулировок не допущено.

Нарушений положений ст.ст. 326-329 УПК РФ при формировании коллегии присяжных заседателей не допущено.

Вопреки доводам кассационной жалобы адвоката Абшилавы после разрешения вопросов, связанных с освобождением кандидатов и разрешения самоотводов председательствующий в соответствии с положениями ст.328 УПК РФ предоставил возможность каждой стороне задать кандидатам в присяжные заседатели вопросы, которые связаны с выяснением обстоятельств, препятствующих их участию в рассмотрении уголовного дела. Доводы адвоката о том, что ряд заданных им вопросов был оставлен кандидатами без ответа, а другие были необоснованно председательствующим отведены, являются несостоятельными. Поставленные вопросы подразумевали дачу ответа лишь теми кандидатами, у которых имелись обстоятельства, указанные в вопросе, вследствие чего другие кандидаты, которых данные вопросы не затрагивали, правомерно оставляли их без ответа.

В соответствии с положениями ч.8 ст.328 УПК РФ задавать кандидатам в присяжные заседатели иные вопросы, не связанные с выяснением обстоятельств, препятствующих участию в деле, не допускается. Руководствуясь указанными положениями закона председательствующий обоснованно снимал те вопросы, которые не были связаны с выяснением информации об обстоятельствах, препятствующих кандидатам участию в процессе (т.21 л.д. 212).

В полном соответствии с требованиями ст. 328 УПК РФ сторонам была предоставлена возможность заявить мотивированные и немотивированные отводы кандидатам, чем воспользовалась сторона защиты (т. 21 л.д. 213-214), заявленные ею кандидаты под номерами №№11, 16 и 17 были отведены. Кандидаты в присяжные заседатели под №№3, 8 правомерно заняли свое место в составе сформированной коллегии, поскольку оснований для их отвода не имелось. Решения председательствующего относительно данных кандидатов (т.21 л.д.200,206) были приняты с учетом мнения сторон. С принятыми решениями выразили свое согласие стороны, не заявив замечаний по поводу процесса формирования коллегии присяжных заседателей и заявлений о её роспуске ввиду тенденциозности состава (т. 21 л.д.214-215).

Таким образом, в состав коллегии присяжных вошли только те лица, которые в соответствии с ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» имели право осуществлять

правосудие. К работе коллегия приступила после присяги, разъяснения прав и полномочий присяжных заседателей (т.21 л.д.216-217).

Во вступительном заявлении государственный обвинитель изложил перед присяжными заседателями существо предъявленного обвинения, а защитники - адвокаты Анисимова, Логинов, Баторский, Абшилава, Гаргат, Мархулия, Омарбеков, Свинцицкая, высказали свое отношение предъявленному обвинению, согласованное с подзащитными, подсудимый Едигарян также как и защитники указал на свое несогласие с обвинением, а Алиев подтвердил факт согласования его позиции с адвокатами (т.21 л.д.220-222).

При таких обстоятельствах доводы адвоката Анисимовой о лишении стороны защиты права на вступительное слово прямо опровергаются содержанием протокола судебного заседания.

В соответствии со ст.274 УПК РФ, предусматривающей, что очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства, председательствующий правомерно принял порядок исследования доказательств стороны обвинения, предложенный государственным обвинителем (т.21 л.д.222-223).

Судебное следствие проведено в соответствии со ст.335 УПК РФ с учетом его особенностей в суде с участием присяжных заседателей. В рамках судебного следствия исследовались фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст.334 УПК РФ. Присяжным заседателям были представлены допустимые доказательства. До представления доказательств присяжным заседателям, вопросы сбора доказательств и их допустимости, рассматривались судом без участия присяжных, а в ходе судебного следствия с их участием были исследованы все имеющие значение для дела доказательства, представленные сторонами. При этом председательствующий обеспечил соблюдение принципа состязательности сторон в судебном процессе, предоставив им равные возможности для представления и исследования доказательств.

Доводы о необъективности и проявлении председательствующим обвинительного уклона своего подтверждения не нашли. Согласно протоколу судебного заседания председательствующий обоснованно отклонял вопросы, носящие повторный характер, направленные на выяснение обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, останавливал участников процесса, когда они касались обстоятельств, не подлежащих выяснению с участием присяжных заседателей. При этом председательствующий, как следует из протокола судебного заседания, обращался к присяжным заседателям с соответствующими разъяснениями. Такие действия председательствующего не могут расцениваться как ущемление прав сторон и нарушение права на защиту в силу прямых предписаний закона, поскольку

обусловлены его процессуальными полномочиями, предусмотренными ст. 335, 336 УПК РФ.

Все ходатайства участников процесса были рассмотрены, по ним приняты мотивированные решения. Факты отказов в удовлетворении ходатайств, в том числе и о представлении доказательств, не могут рассматриваться как нарушение процессуальных прав, поскольку принятые председательствующим решения соответствуют положениям уголовно-процессуального закона. При этом позиция председательствующего при разрешении процессуальных вопросов была обусловлена не процессуальным положением участников судебного разбирательства, а обоснованностью самих ходатайств и вопросов, которые они ставили перед судом. Необоснованных отказов сторонам в исследовании доказательств, которые могли иметь существенное значение для исхода дела, не допущено.

В кассационной жалобе адвокатов Гаргат и Мархулия правильно отмечено, что потерпевшие Б [] и Г [] не принимали участия в некоторых судебных заседаниях, при этом вопрос о рассмотрении дела в их отсутствии разрешен председательствующим без выяснения мнения сторон. Между тем, данные обстоятельства не влияют на законность приговора, поскольку потерпевшие не изъявили желания участвовать в каждом судебном заседании и их явка обязательной не признавалась, принятие такого решения председательствующим без выяснения мнения сторон положениями ст.249 УПК РФ не противоречит.

Доводы адвокатов о том, что проведение допроса Б [], дело в отношении которого было выделено в отдельное производство, и других свидетелей в отсутствие потерпевших не позволило выяснить противоречия в их показаниях несостоятельны, поскольку Б [] допрашивался дважды: до потерпевших и после них, Г [] принимал участие в завершающей стадии судебного следствия, в связи с чем у участников процесса имелась возможность сопоставить показания потерпевших, Б [] и свидетелей, задать допрашиваемым интересующие вопросы.

Вопреки доводам жалоб допрос Б [] проведен в соответствии с требованиями УПК РФ. До начала допроса в отсутствие присяжных заседателей ему были разъяснены положения ст.51 Конституции РФ, права, предусмотренные ст.47 УПК РФ в части допроса в судебном заседании и дачи показаний, положения ч.4 ст.56 УПК РФ. Поскольку он допрашивался по обстоятельствам убийства Г [] за которое был осужден, суд правильно не предупредил его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (т.21 л.д.224).

В судебном заседании Б [] не мог ответить на ряд вопросов участников процесса ввиду того, что с течением времени забыл некоторые обстоятельства преступления, что привело к возникновению существенных противоречий в его показаниях. При таких обстоятельствах председательствующий правомерно по ходатайству стороны обвинения принял решение об оглашении показаний свидетеля, данных в период расследования

уголовного дела. Возражение стороны защиты были приняты во внимание председательствующим при разрешении ходатайства, однако не имели решающего значения, поскольку при наличии существенных противоречий для оглашения показаний достаточно лишь заявленного об этом ходатайства. Таким образом, вопреки доводам жалоб, показания Б [REDACTED], данные при проверке на месте, при проведении очных ставок (т.6 л.д.176-183, 196-199, т.10 л.д.145-148, т.21 л.д.249, т.23 л.д.1,8) оглашены при наличии на то законных оснований. Оглашенные доказательства отвечают требованиям допустимости.

Не допущено председательствующим нарушений и при исследовании по ходатайству стороны обвинения с участием присяжных заседателей видеозаписи к протоколу проверки показаний Б [REDACTED] на месте, поскольку перед этим был оглашен протокол, в котором имеется отметка о применении видеозаписи. Факт хранения данной видеозаписи не в данном уголовном деле, а в деле в отношении Б [REDACTED] которое было выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения, на допустимость данного доказательства не влияет, поскольку оно получено надлежащим процессуальным образом. Неознакомление с видеозаписью стороны защиты при выполнении требований ст. 217 УПК РФ также не влечет признания её недопустимым доказательством, поскольку стороны не лишены возможности представления доказательств непосредственно в суд. Сторона защиты имела возможность до просмотра видеозаписи с участием присяжных заседателями ознакомиться с ее содержанием, однако соответствующих ходатайств не заявлялось (т.22 л.д.248-250, т.23 л.д.1-2). Видеозапись в судебном заседании была просмотрена в присутствии Б [REDACTED] и сторонам предоставлена возможность задать ему вопросы.

Соответствовали требованиям закона и действия председательствующего, связанные с ограничением информации, доводимой до присяжных заседателей относительно Б [REDACTED]. Так, председательствующий обоснованно снимал вопросы взаимоотношения Б [REDACTED] с Алиевым в период после 2003 года поскольку они не являлись предметом судебного разбирательства, обоснованно отказал в оглашении явки Б [REDACTED] с повинной, как полученной с нарушениями требований ст.ст. 141 и 142 УПК РФ, досудебного соглашения о сотрудничестве, которое не подлежало исследованию с участием присяжных заседателей (т. 22 л.д. 7), в истребовании других доказательств из уголовного дела Б [REDACTED] поскольку их копии, относящиеся к рассматриваемому преступлению были приобщены к делу в отношении Едигаряна и Алиева и исследованы с участием коллегии присяжных заседателей. После изучения содержания заявления Б [REDACTED] следователю от 24 мая 2016 года и получения его пояснений в отсутствие присяжных председательствующим было принято правильное решение об отказе в запросе данного документа, поскольку оно касалось процессуальных вопросов, не подлежащих исследованию с участием присяжных заседателей (т.21 л.д. 244-248). Доводы стороны защиты о

преюдициальном значении приговора в отношении Б [] также не состоятельны, поскольку в присутствии присяжных он не оглашался.

Показания свидетеля С [] данные им при производстве расследования (т.5л.д.220-223) оглашены по мотивированному ходатайству государственного обвинителя в соответствии с требованиями ч.3 ст. 281 УПК РФ. При этом Судебная коллегия соглашается с правильностью оценки противоречий в его показаниях как существенных, поскольку они касались обстоятельств, имеющих значение для решения вопросов, входящих в компетенцию присяжных заседателей (т.22 л.д.69-71). При таких обстоятельствах возражения стороны защиты не являлись препятствием для оглашения показаний свидетеля.

Поскольку допрошенные в судебном заседании свидетели с участием присяжных заседателей показывали, что о взаимоотношениях между Едигаряном и убитым Г [] им известно от Ш [], суд обоснованно удовлетворил ходатайство стороны обвинения и предоставил возможность обозреть свидетельство о его смерти последнего (т.23 л.д.115) в подтверждение наличия источника их осведомленности,

Суд обоснованно отказывал стороне защиты в исследовании обстоятельств, касающихся материального положения подсудимых, поскольку в силу требований главы 42 УПК РФ они не подлежат исследованию с участием присяжных заседателей, по этим основаниям отводил некоторые вопросы к свидетелям Г [] и У [] (т.22 л.д.9-22, 43-52), а также иные, выходящие за рамки предмета доказывания по данному делу.

С учетом формы судопроизводства председательствующим обоснованно было принято решение о частичном оглашении показаний вдовы погибшего свидетеля Г [] (т.23 л.д. 79-81, 89-90).

Вопреки доводам жалоб допрос подсудимых проведен в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Суд представил возможность стороне защиты довести до присяжных заседателей позицию подсудимых и их защитников, показания Алиева о наличии у него алиби на день убийства, а именно отсутствия в г. [] По ходатайствам стороны защиты, в том числе и по заявленному Алиевым алиби, в обоснование показаний подсудимых были допрошены супруга и сестра подсудимого Алиева - А [] и А [], свидетели Ш [], Е [], Ш [] (т.22 л.д.159-179), К [], М [], А [], О [], С [], Д [], М [] и Ф [].

В обоснование обвинения и опровержение алиби Алиева стороной обвинения были представлены материалы уголовного дела уголовного дела № [] изъятого в ОМВД России по Буйнакскому району Республики Дагестан, участником которого, якобы, являлся Алиев (т.23 л.д. 35-42) и заключение почерковедческой экспертизы.

Доводы стороны защиты о необоснованном отказе в исследовании всех материалов дела, запрошенного в ОМВД РФ по [] району, являются несостоятельными, поскольку с учетом пределов судебного разбирательства председательствующим было принято правильное решение об исследовании с

участием присяжных заседателей документов, имеющих отношение к рассматриваемому делу.

Заключение судебно - почерковедческой экспертизы выполнено экспертом Б [REDACTED], имеющей необходимый опыт работы. Выводы эксперта являются аргументированными, полными и непротиворечивыми. При таких обстоятельствах председательствующий правомерно отказал стороне защиты в признании данного заключения недопустимым и в назначении по делу повторной экспертизы ввиду отсутствия оснований, предусмотренных ч.2 ст.207 УПК РФ (т.21 л.д.27-28, т.23 л.д.60).

С учетом особенностей судебного следствия по делам с участием присяжных заседателей явившиеся в суд по инициативе сторон свидетели и специалисты подлежат допросу перед коллегией при условии, что предоставляемая ими информация не выходит за пределы вопросов, подлежащих разрешению присяжными. В соответствии с названными требованиями суд правомерно допросил в отсутствие присяжных заседателей специалиста в области почерковедения К [REDACTED] и, убедившись в том, что его показания касаются соблюдения процедуры проведения экспертизы, то есть допустимости доказательства, обоснованно отказал в его допросе с участием коллегии, поскольку данный вопрос не входит в компетенцию присяжных заседателей.

С участием присяжных заседателей правомерно исследовалось заключение судебно-медицинской экспертизы трупа Г [REDACTED], выполненное экспертом Г [REDACTED], поскольку оно отвечает требованиям допустимости.

Судебная коллегия не усматривает нарушения прав стороны защиты принятием решения об отказе в повторном допросе судебно-медицинского эксперта Г [REDACTED] с целью уточнения места расположения раневого канала на трупе, поскольку выяснение данного вопроса не являлось предметом доказывания по делу в отношении Алиева и Едигаряна. Принимая такое решение, председательствующий учел, что при первичном допросе эксперта сторонам была предоставлена возможность задать ему вопросы, связанные с разъяснением экспертного заключения. Такой возможностью участники процесса со стороны защиты воспользовались, что следует из протокола судебного заседания. По окончании допроса с согласия сторон и с разрешения председательствующего эксперт удалился из зала судебного заседания (т.23 л.д. 14-31,70- 71).

Учитывая, что с участием присяжных заседателей исследованы допустимые и достаточные доказательства, связанные с обстоятельствами причинения смерти Г [REDACTED] принимая во внимание пределы доказывания по данному уголовному делу, ограниченные предъявленным обвинением, председательствующий правомерно отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о назначении судебной ситуационной экспертизы с целью установления возможности получения Г [REDACTED] пулевых ранений при определенном расположении Б [REDACTED], а также в допросе с участием присяжных заседателей специалиста-баллиста М [REDACTED] который

планировался стороной защиты по обстоятельствам причинения Г [REDACTED] огнестрельных ранений Б [REDACTED] (т.21 л.д.65-67, т.23 л.д.70).

Судом приняты мотивированные и правильные решения об отказе в удовлетворении ходатайств стороны защиты о признании недопустимыми протоколов осмотра места происшествия и предметов (т.3 л.д.23-25, 39-44, т21 л.д.192-193), поскольку указанные доказательства были получены в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса.

В кассационной жалобе правильно указывается на то, что данные о личности свидетеля В [REDACTED] были установлены в присутствии присяжных заседателей (т.22 л.д.52). Между тем, данная информация, исходя из ее содержания, не могла оказать влияния на мнение присяжных заседателей по вопросам, поставленным на рассмотрение.

Доводы о неотносимости пуль и гильз не могут повлиять на решение по рассматриваемому делу, поскольку эти вещественные доказательства с участием присяжных заседателей не исследовались.

Таким образом, Судебная коллегия приходит к выводу, что в период судебного следствия не было допущено процессуальных нарушений, которые бы могли привести к вынесению необъективного вердикта.

Судебное следствие было окончено при отсутствии возражений и дополнений от участников процесса (т. 23 л.д. 123).

Согласно протоколу судебного заседания прения сторон проведены в соответствии с требованиями ст. 336 УПК РФ, в пределах предъявленного обвинения и вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

Доводы кассационных жалоб о том, что государственным обвинителем было изменено обвинение в части мотива действий подсудимых не подтверждаются материалами дела, поскольку его суть, изложенная во вступительном слове и в прениях сторон, соответствуют обвинительному заключению.

В случаях, когда стороны ссылались на обстоятельства не имеющие отношение к делу, либо не подлежащие доведению до сведения присяжных заседателей, председательствующий по делу правомерно останавливал участников.

Вопреки доводам жалоб указанные действия не могут расцениваться как ущемление прав сторон поскольку основаны на требованиях ст.ст.336-337 УПК РФ и не могли быть восприняты присяжными заседателями как выражение отношения к выступающему, излагаемому доказательству или как препятствие в доведении и обосновании своей позиции, поскольку председательствующий еще до начала судебных прений обратился к коллегии присяжных заседателей и дал соответствующие разъяснения (т.23 л.д.124).

Стороны не были ограничены в продолжительности выступлений в прениях и воспользовались правом реплик.

Не нашли своего подтверждения доводы, касающиеся недостатков вопросного листа и ответов на вопросы.

Сторонам было предоставлено достаточно времени для обсуждения вопросов, Едигаряну проект вопросного листа был переведен на армянский язык, которым он владеет (т. 23 л.д. 216).

Сторона защиты высказала свои замечания по предложенному проекту, согласованные с подзащитными, которые являлись предметом обсуждения (т.23 л.д.217-221), однако правомерно не были приняты председательствующим, поскольку содержали формулировки, не основанные на законе или выходящие за пределы предъявленного Едигаряну и Алиеву обвинения.

Председательствующий в пределах своих полномочий в соответствии с ч.4 ст.338 УПК РФ в совещательной комнате исходя из предъявленного обвинения и с учетом результатов судебного следствия, окончательно сформулировал вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями. Поскольку Едигарян обвинялся в организации убийства, а Алиев - в подстрекательстве к нему и пособничестве, суд обоснованно на разрешение присяжных поставил вопрос о факте самого убийства потерпевшего Г [REDACTED] (вопрос № 1).

Председательствующий не усмотрел необходимости постановки частных вопросов по позиции стороны защиты и это решение не противоречит положениям ст.339 УПК РФ, поскольку формулировка вопросов не предопределяла ответы на них, а позволяла учесть позицию подсудимых, которая заключалась в отрицании причастности к преступлениям, путем отрицательного ответа на поставленные вопросы либо путем вычеркивания не доказанных обстоятельств.

Подготовленный вопросный лист, несмотря на утверждения стороны защиты, был оглашен и лишь, затем передан старшине присяжных заседателей (т. 23 л.д. 222). Поставленные председательствующим вопросы явились для присяжных понятными, за дополнительными разъяснениями они не обращались (т. 23 л.д. 222).

Напутственное слово председательствующего (т.21 л.д.126-144) соответствует требованиям ст.340 УПК РФ.

Вопреки доводам жалоб председательствующий в нем наряду с другими предусмотренными законом обстоятельствами изложил позиции государственного обвинителя и защиты о непричастности подсудимых к содеянному. Поскольку закон не содержит обязательного требования изложения в напутственном слове полного и подробного содержания показаний допрошенных лиц, председательствующий правомерно напомнил об исследованных в суде доказательствах, представленных как стороной обвинения, так и защиты, в том числе и показаниях свидетеля Г [REDACTED] (т.21 л.д.132), не высказывая свое отношение к ним. Из напутственного слова и протокола судебного заседания следует, что приведенное краткое содержание

показаний допрошенных лиц соответствует тем, которые доводились до сведения присяжных заседателей в ходе судебного следствия. Причины изменения свидетелем Г [] ранее данных показаний относятся к процедурным моментам и доведению до сведения присяжных не подлежали.

Отсутствие в напутственном слове ссылок на показания дополнительно допрошенных по ходатайству стороны защиты двух свидетелей М [] и Ф [] не свидетельствует о нарушении требований ст. 340 УПК РФ, принципов объективности и беспристрастности. На показания указанных свидетелей не ссылалась и сторона защиты при выступлении в прениях перед присяжными заседателями. При этом указанные свидетели допрашивались в присутствии присяжных заседателей, которым было известно содержание их показаний. Содержание письменного текста напутственного слова соответствует аудиозаписи хода судебного заседания.

Кроме того, председательствующий разъяснил присяжным основные правила оценки доказательств в их совокупности, сущность принципа презумпции невиновности, положение о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимых и правила голосования.

В соответствии с положениями ст. 340 УПК РФ стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности.

Адвокаты в присутствии присяжных заседателей высказали свои замечания, изложили содержание тех доказательств, которые председательствующий, по их мнению, изложил не достаточно полно или не достаточно точно, в связи с чем коллегия имела возможность учесть сказанное стороной защиты (т.23 л.д. 223-225).

На основании представленных сторонами доказательств присяжными заседателями был вынесен обвинительный вердикт, который является понятным и непротиворечивым.

В апелляционных жалобах адвокат Анисимова и другие защитники приводят доводы о незаконном воздействии на присяжных заседателей и нарушении тайны совещательной комнаты, что, по их мнению, выразилось в том, что во время вынесения вердикта в совещательной комнате находился запасной присяжный заседатель М [], присяжные заседатели К [], Л [] и М [] до вердикта высказывали свое мнение о виновности подсудимых, судебный пристав организовал общение свидетелей обвинения Ш [], У [] потерпевшего Г [] и эксперта Г [] с присяжными заседателями по обстоятельствам дела, показывал им вещественные доказательства - пули и гильзы, вместе с секретарями судебного заседания высказывал свое негативное мнение о подсудимых, угрожал одному из присяжных заседателей исключением из коллегии. Сообщают, что

данная информация вначале в СМИ, а затем со слов присяжных заседателей К [], Ж [], Б [] и К [] стала известна адвокатам.

Приведенные в жалобах доводы проверены в служебном порядке председателем Свердловского областного суда, следователем СУ СК РФ в порядке ст. 144 УПК РФ и Судебной коллегией путем опроса в судебном заседании названных выше присяжных заседателей и лиц, на которых они указали как на совершивших процессуальные нарушения. Судебная коллегия при этом исходила из правовых позиций, изложенных в постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июля 2020 года "По делу о проверке конституционности п.1 ч.3 ст.56 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Алиева".

В ходе служебной проверки были получены объяснения присяжных заседателей, судебного пристава Ш [] секретарей судебного заседания Р [] и А []. Присяжные заседатели К [], Ж [] и К [] в целом подтвердили факты нарушений, указанные в апелляционной жалобе адвоката Анисимовой, остальные присяжные заседатели, входившие в основной и запасной состав, секретари судебного заседания и судебный пристав наличие нарушений отрицали. При этом присяжный заседатель Б [], которая ранее заявляла о нарушениях, не подтвердила ни одного из перечисленных в доводах жалоб, а по поводу нахождения в совещательной комнате запасного присяжного заседателя указала, что не может этого утверждать, поскольку прошло много времени.

По итогам следственной проверки 26 августа 2021 года вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, предусмотренного ч.1 ст.294 УК РФ поскольку фактов воспрепятствования правосудию не установлено. К данным выводам следователь пришел на основании изучения письменных материалов дела, объяснений адвокатов, присяжных заседателей, секретарей судебного заседания, судебного пристава, эксперта Г [], свидетелей У [] Ш [] и Ш [] изучения содержания телефонных переговоров Ж [] с Б [] и Б [] заключения лингвистической экспертизы.

Материалы следственной проверки представлены в Верховный Суд, изучив которые Судебная коллегия считает, что проверка проведена в полном объеме, а выводы следователя, изложенные в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, соответствуют собранным материалам.

В суде апелляционной инстанции присяжные заседатели К [], Ж [] и К [] в целом показали о наличии, по их мнению, процессуальных нарушений в ходе судебного процесса, на которые в своей жалобе обращает внимание адвокат Анисимова, секретари судебного заседания, судебный пристав и эксперт указанные обстоятельства отрицали.

Оценив материалы служебной, следственной проверки и содержание пояснений лиц, допрошенных в судебном заседании, Судебная коллегия приходит к выводу о недостоверности доводов стороны защиты об оказании

давления на присяжных заседателей и нарушении тайны совещательной комнаты по следующим основаниям.

Доводы адвокатов о неправомерном воздействии на присяжных приведены со слов заседателей К [redacted], Ж [redacted], К [redacted] и Б [redacted], объяснения которых приобщены к апелляционным жалобам. Между тем, как правильно отмечено в постановлении следователя, пояснения данных лиц о допущенных нарушениях непоследовательны, содержат такие противоречия, которые ставят под сомнение наличие указанных ими фактов.

Так, из приложенных к жалобам объяснений следует, что К [redacted] и К [redacted] заявляли о факте общения многих присяжных с экспертом, потерпевшими и свидетелями обвинения, а Ж [redacted] и Б [redacted] указывали лишь на наличие такой возможности. В судебном заседании К [redacted] Ж [redacted] и К [redacted] пояснили, что общались с данными лицами лишь К [redacted] и К [redacted]. Следователю К [redacted] высказал предположение, что с ними мог общаться К [redacted], К [redacted] и Ж [redacted]. Заявили о факте общения К [redacted] К [redacted] и Л [redacted] а Б [redacted] факт общения отрицала.

В объяснениях, предоставленных адвокатами, К [redacted] Ж [redacted] и Б [redacted] указывали, что судебный пристав показывал им гильзы и пули, которые в судебном заседании с их участием не исследовались, К [redacted] вела речь о патронах. Следователю К [redacted] сообщал об осмотре отстрелянных гильз и патрона, а Б [redacted] Ж [redacted] и К [redacted] - о пулях и гильзах. В судебном заседании К [redacted] пояснил, что осматривал патроны, Ж [redacted] - гильзы, а К [redacted] - гильзы и пули. При этом каждый из них называли разное количество осматриваемых объектов, между тем в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела приобщены 4 пули и 5 гильз.

Согласно объяснениям К [redacted], Ж [redacted] и К [redacted] предоставленных адвокатами, секретари судебного заседания и судебный пристав доводили до них свое мнение о виновности подсудимых, рассказывали о судьбе уголовного дела в отношении Б [redacted]. Указанные выше присяжные заседатели дали такие же пояснения следователю, а К [redacted] и в суде, в то время К [redacted] и Ж [redacted] в судебном заседании заявили о фактах такого влияния только со стороны судебного пристава. Б [redacted] о таких фактах не сообщала адвокатам, а следователю пояснила, что их не было.

Из объяснений Ж [redacted] приобщенных к апелляционной жалобе, следует, что во время вынесения вердикта в совещательную комнату заходили запасной присяжный заседатель М [redacted] судебный пристав и секретарь, в том время как К [redacted], К [redacted] и Б [redacted] сообщали лишь о запасном присяжном заседателе. В объяснениях следователю К [redacted] К [redacted] и Ж [redacted] пояснили, что в совещательную комнату заходили секретарь, пристав и запасной присяжный заседатель, при этом К [redacted] уточнил, что судебный пристав 1 раз забирал на проверку вопросный лист. Между тем, Б [redacted] сообщила следователю лишь о наличии в совещательной комнате запасного присяжного и заявила, что иных нарушений не было. В судебном

заседании Ж [] и К [] показали, что в совещательную комнату заходил запасной присяжный М [] К [] кроме того, пояснила, что заглядывал судебный пристав, чтобы уточнить ориентировочное время окончания совещания, а К [] показал, что М [] не только заходил в совещательную комнату, но и пил там чай, туда же заходил судебный пристав и уже дважды забирал на проверку вопросный лист.

Таким образом, пояснения присяжных заседателей К [], Ж [], К [] и Б [] являются не только не последовательными, но и противоречат друг другу, причем не только в деталях обстоятельств, о которых они сообщали, но и в части их наличия или отсутствия.

Полученные от указанных четверых присяжных заседателей пояснения были проверены путем сопоставления с объяснениями других присяжных заседателей и лиц, на которых они указывают как на оказавших незаконное воздействие.

С целью проверки следователем опрошены остальные присяжные заседатели, которые входили в основной и запасной состав коллегии во время рассмотрения уголовного дела, свидетели стороны обвинения У [], Ш [], Ш [] в судебном заседании были заслушаны судебный пристав Ш [] секретари судебного заседания Р [] и А [] эксперт Г [] запасной присяжный заседатель М [] при этом каждый из них категорически отрицал наличие всех обозначенных в апелляционных жалобах фактов незаконного воздействия на присяжных заседателей.

Так, свидетели со стороны обвинения и судебный эксперт показали, что с присяжными заседателями они не общались и не видели, что общался кто-то другой.

Из показаний судебного пристава Ш [] и секретарей судебного заседания Р [] и А [] следует, что судебный пристав постоянно находился по месту рассмотрения уголовного дела и контролировал, чтобы на присяжных не оказывалось воздействие, никто из участников процесса и присутствующих в зале лиц с присяжными не общался, сами они общались с присяжными заседателями только по организационным вопросам, не касаясь обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, до удаления их на совещание.

Присяжные заседатели Л [] и К [] на которых указывала сторона защиты, как на лиц, общавшихся с участниками процесса со стороны обвинения, пояснили, что они таких фактов не наблюдали и сами ни с кем из участников процесса, включая свидетелей, потерпевших и эксперта не общались.

В объяснении следователю Ш [] показал, один раз заходил к присяжным в комнату отдыха до вынесения вердикта по просьбе присяжного заседателя К [], который жаловался на К [] и Ж [] которые агитировали остальных присяжных, Ж [] вела себя слишком шумно и

активно, мешая другим членам коллегии. Ему пришлось сделать ей корректное замечание.

Из вышеприведенного пояснения Ш [] следует, что свое влияние на присяжных пытались оказать не запасные заседатели К [], Л [] и М [], как об этом указано в доводах жалобы адвоката Анисимовой и в объяснениях К [], а сам К [] и Ж [], что не судебный пристав по своей инициативе пытался оказать влияние на Ж [] а вынужден был по просьбе других заседателей сделать ей замечание.

Указанные пояснения Ш [] опровергающие доводы стороны защиты, не голословны, они подтверждаются содержанием телефонного разговора Ж [] с Б [], где Ж [] соглашается с тем, что обоснованно получила замечание от судебного пристава за нарушение порядка.

Кроме того, судебный пристав Ш [] показал, что никаких вещественных доказательств он присяжным не показывал, и не мог этого сделать, поскольку он не имел к ним доступа.

Показания судебного пристава в этой части полностью согласуются с показаниями секретаря судебного заседания Р [] которая пояснила, что вещественные доказательства хранятся в отдельной комнате в соответствии с описью и выдаются начальником отдела секретарю судебного заседания для доставки в судебное заседание, а после исследования сразу же этим лицом возвращаются обратно. В частности, пули и гильзы по данному уголовному делу в здание суда, а затем и в зал судебного заседания из комнаты хранения вещественных доказательств доставляла она и после осмотра возвратила обратно.

Пояснения Р [] подтверждаются протоколом судебного заседания (т.23 л.д.93-99) и ответом на запрос следователя (т.3 л.д.201 м.п.) согласно которым 19.03.2018 года из суда в ЭКЦ ГУ МВД России по Свердловской области поступил запрос из Свердловского областного суда на выдачу вещественного доказательства по факту убийства Г [] на следующий день 4 пули и 5 гильз выданы секретарю судебного заседания Р [], 20.03.2018 года они доставлены в судебное заседание, где упаковка вскрыта адвокатом Логиновым, вещественные доказательства осмотрены без участия присяжных заседателей, после чего возвращены секретарем в комнату вещественных доказательств, а 27 марта - в ЭКЦ ГУ МВД по Свердловской области.

Секретари судебного заседания А [] Р [] и судебный пристав пояснили, что когда присяжные заседатели удалились на вынесение вердикта в совещательную комнату к ним никто не входил и войти не мог, поскольку она была заперта старшиной К [] на ключ изнутри. Запасной присяжный М [] оставался в зале судебного заседания.

Запасной присяжный заседатель М [] подтвердил, что в процессе судебного следствия он находился вместе с другими присяжными, ходил с

ними с комнату отдыха, однако на время вынесения вердикта его оставили в зале суда, в совещательную комнату он не входил.

Таким образом, ни один из оставшихся присяжных заседателей, входящих в состав коллегии, обстоятельства процессуальных нарушений, изложенных К [REDACTED], Ж [REDACTED], К [REDACTED] и Б [REDACTED] не подтвердил, не подтвердили их и участники процесса, сотрудники суда и судебный пристав, более того, привели доказательства невозможности проникновения в совещательную комнату во время вынесения вердикта и демонстрации присяжным вещественных доказательств вне рамок судебного заседания.

У Судебной коллегии нет оснований не доверять допрошенным лицам, опровергающим обстоятельства нарушений, поскольку они согласуются между собой, у них не имеется ни оснований для оговора К [REDACTED], Ж [REDACTED], К [REDACTED] и Б [REDACTED], ни заинтересованности в исходе дела.

Между тем, непоследовательность и противоречивость между собой пояснений К [REDACTED], Ж [REDACTED], К [REDACTED] и Б [REDACTED] несопоставимость их с пояснениями иных допрошенных лиц ставит под сомнение само наличие фактов незаконного воздействия на присяжных заседателей, о которых они свидетельствуют.

Такой же вывод следует и из содержания записи телефонных переговоров Ж [REDACTED] с присяжными заседателями Б [REDACTED] и Б [REDACTED]. Записи сделаны и представлены Ж [REDACTED] при этом Б [REDACTED] и Б [REDACTED] не знали о том, что их разговор записывается.

Из содержания телефонных разговоров следует, что Ж [REDACTED] звонила каждой из заседателей спустя определенное время после вынесения приговора с той целью, чтобы они подтвердили факты незаконного воздействия на присяжных во время рассмотрения уголовного дела (на которые указывает в жалобе адвокат Анисимова).

Не смотря на активные уговоры и постановку наводящих вопросов, не предполагающих иного ответа, кроме утвердительного, Б [REDACTED] отвергла все из названных Ж [REDACTED] нарушений. Вместе с тем, сказала, что запасной присяжный заседатель М [REDACTED] заходил к ним в комнату. Поскольку из текста разговора невозможно сделать вывод, когда это было: до удаления на вынесение вердикта или во время совещания, следовательно допросил Б [REDACTED] по этому вопросу и она уточнила, что М [REDACTED] заходил к ним в комнату в процессе рассмотрения дела, до того как они удалились на вынесение вердикта.

Присяжный заседатель Б [REDACTED] на вопросы Ж [REDACTED] отвечала отрицательно, на некоторые высказывала непонятную реакцию словами "ну", "угу". Следователю Б [REDACTED] объяснила, что вела себя таким образом, чтобы быстрее завершить нежелательный разговор со Ж [REDACTED] не возражала против ее утверждений о нарушениях, хотя в действительности их не было.

Из заключения судебно-лингвистической экспертизы также следует, что в разговоре с собеседницами Ж [REDACTED] побуждала и уговаривала каждую

принять ее точку зрения о наличии серьезных нарушений во время судебного процесса и настойчиво пыталась получить именно нужные ей ответы.

Оценив все исследованные в этой части доказательства, Судебная коллегия приходит к выводам о том, что указанных в апелляционных жалобах адвокатов, объяснениях К [REDACTED], Ж [REDACTED], К [REDACTED] и Б [REDACTED] фактов незаконного воздействия на присяжных заседателей во время рассмотрения уголовного дела и вынесения вердикта не было, поскольку ни один из них не нашел своего подтверждения, что в действительности судебный процесс проходил именно так, как это отражено в протоколе судебного заседания.

Именно об отсутствии влияния извне заявила и Ж [REDACTED] в завершении телефонного разговора с Б [REDACTED] соглашаясь с собеседницей, что никто не мешал им принимать решение по данному уголовному делу. Об отсутствии давления и свободном выражении своего мнения при вынесении вердикта свидетельствовали в ходе проверок все присяжные заседатели, даже включая тех четверых, которые заявляли о, якобы, имевшихся нарушениях. Об отсутствии фактов незаконного воздействия, каждый раз сообщали старшина и присяжные заседатели председательствующему после судебных перерывов.

Более того, из телефонных разговоров Ж [REDACTED] следует, что решение сделать заявление о нарушениях она приняла после вынесения приговора, состоявшегося разговора с мужем и общения с адвокатами, понимая, что оно будет использовано для обжалования приговора, после чего попыталась склонить к этому других присяжных заседателей, в том числе, Б [REDACTED] и Б [REDACTED].

Доводы Ж [REDACTED], К [REDACTED], К [REDACTED] и Б [REDACTED] о том, что в ходе судебного следствия они не сообщали председательствующему об оказанном на них воздействии, поскольку не осознавали, что указанные ими обстоятельства являются его проявлением, Судебная коллегия считает несостоятельными, поскольку они опровергаются содержанием протокола судебного заседания, из которого следует, что председательствующий не только спрашивал присяжных о таких фактах, но и детально им разъяснял, в чем может проявляться незаконное воздействие.

Так, согласно протоколу, с которым были ознакомлены оба осужденных, их защитники адвокаты Свинщицкая, Анисимова, Гаргат и Абшилава, после судебных перерывов перед началом каждого судебного заседания председательствующий выяснял у старшины и присяжных заседателей, не пытался ли кто-нибудь из участников процесса или других лиц, заговорить с ними, выяснить мнение о деле или оказать давление другим путем. И старшина, и присяжные заседатели каждый раз отвечали, что таких фактов не было.

В томе т.23 на л.д.225 протокола зафиксировано, что коллегия присяжных заседателей удалилась в совещательную комнату для вынесения вердикта в 13 часов 3 минуты 27 марта 2018 года. Запасной присяжный заседатель остался в зале суда.

Правильность протокола в этой части никем не оспорена, что в совокупности с результатами проведенных проверок опровергает доводы о нахождении запасного присяжного заседателя в совещательной комнате при обсуждении вердикта, как и другие приведенные стороной защиты доводы о незаконном воздействии на присяжных заседателей.

Таким образом, на основании результатов опросов присяжных заседателей и иных участников процесса Судебная коллегия приходит к выводу, что вердикт в отношении Едигаряна и Алиева вынесен в условиях объективности и беспристрастности присяжных заседателей.

Согласно ст. 389.27 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей, являются основания, предусмотренные пунктами 2 - 4 статьи 389.15 Кодекса: существенное нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора. Судебные решения, вынесенные с участием присяжных заседателей, не могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке и не подлежат проверке судом апелляционной инстанции по мотивам несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции.

В этой связи доводы об оспаривании фактических обстоятельств дела, установленных вердиктом присяжных заседателей, о недоказанности вины, непричастности к содеянному, неполноте расследования, недостоверности показаний Б [REDACTED] и других доказательств, касающиеся алиби Алиева удовлетворению не подлежат.

Приговор суда постановлен в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей о виновности Едигаряна и Алиева, основанном на всестороннем и полном исследовании материалов дела.

С учетом вердикта действия осужденных квалифицированы правильно: Едигаряна - по ч.3 ст.33, п."з" ч.2 ст.105 УК РФ как организация убийства по найму, а Алиева - по ч.ч.4 и 5 ст.33, п.п."е","з" ч.2 ст.105 УК РФ как подстрекательство и пособничество в убийстве по найму общеопасным способом, а также по ч.2 ст.222 УК РФ как незаконная перевозка огнестрельного оружия и боеприпасов, группой лиц по предварительному сговору.

Указание судом на редакцию ФЗ РФ от 21.07.2004 г. №73 положение осужденных не ухудшает.

Исходя из заключений судебно-психиатрических экспертиз и поведения Едигаряна и Алиева в ходе судопроизводства суд обоснованно признал их виновными, подлежащими уголовной ответственности.

Наказание каждому из осужденных назначено с учетом установленных обстоятельств дела, характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, данных о личности, состояния здоровья и других обстоятельств, влияющих на наказание.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Едигарян и Алиев признаны не заслуживающими снисхождения.

Суд не нашел оснований для применения к ним положений ч.6 ст.15, ст.64 УК РФ, не усматривает их и Судебная коллегия.

В связи с истечением сроков давности суд правильно освободил Алиева от наказания за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 222 УК РФ.

За преступление, предусмотренное ч.2 ст.105 УК РФ предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы и истек срок давности привлечения к уголовной ответственности каждого из осужденных.

В соответствии с ч. 4 ст. 78 УК РФ вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом.

С учетом характера и степени общественной опасности данного преступления, относящегося к особо тяжким и представляющим повышенную общественную опасность, обстоятельств его совершения и данных о личности осужденных, Судебная коллегия считает невозможным освобождение Едигаряна и Алиева от уголовной ответственности за данное преступление в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Отсутствие в приговоре решения по гражданскому иску потерпевшего Б. [REDACTED] отказавшегося от него, и судьбы арестованного имущества Алиева, не является основанием для изменения приговора, поскольку данный вопрос подлежит разрешению в порядке исполнения приговора.

Доводы адвоката Абшилавы и осужденного Едигаряна на необоснованное ограничение в ознакомлении с материалами дела после вынесения приговора несостоятельны.

Как следует из материалов дела, после его снятия 10 июля 2018 года с апелляционного рассмотрения и возвращения в Свердловский областной суд для устранения препятствий его рассмотрения, Едигарян заявил ходатайство о дополнительном ознакомлении с материалами уголовного дела и вещественными доказательствами с участием переводчика.

Постановлением судьи от 3 октября 2018 года Едигаряну был установлен срок для ознакомления с материалами дела по 12 октября, который затем постановлениями от 22 октября и 23 ноября был продлен по 7 декабря 2018 года. Таким образом, с учетом объема уголовного дела судьей был установлен достаточный срок для ознакомления с материалами.

Для дополнительного ознакомления были предъявлены 1 - 14 тома дела, с которыми он согласно графику, ознакомился совместно с переводчиком в полном объеме (т.28 л.д. 124, 155).

Необходимости в повторном ознакомлении с томами №15-19 не имелось, поскольку в них содержится обвинительное заключение, материалы судебного производства при первом поступлении дела в суд, по итогам которого 12 сентября 2017 года уголовное дело возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения вследствие нарушения права Едигаряна на защиту, выразившемся в отсутствии переводчика при проведении следственных действий с Едигаряном, продублированные следственные действия с участием переводчика, второе обвинительное заключение. Начиная с тома №20 подшиты материалы судебного производства, состоящие из протокола судебного заседания (21-23 тома), жалоб и дополнений к ним, решений суда по заявленным ходатайствам, замечаний на протокол судебного заседания, поданных Едигаряном и его защитником. При этом Судебная коллегия учитывает, что обвинительное заключение, обжалуемый вердикт, приговор, протокол судебного заседания переведены на армянский язык, их копии вручены Едигаряну, аудиозапись хода судебного процесса осуществлялась самостоятельно стороной защиты. (т.21 л.д.117-125, т.24 л.д.20, т.25 л.д.5, 35, т.27 л.д.154).

В качестве вещественных доказательств по делу фигурируют, в том числе, 4 пули и 5 гильз, участием присяжных заседателей они не исследовались, а также уголовное дело № [REDACTED] из ОМВД России по Буйнакскому району РБ, из которого исследовались лишь опись и одно объяснение Алиева. Следовательно, неознакомление с перечисленными вещественными доказательствами на стадии апелляционного обжалования не может оказать влияние на качество подготовки к судебному процессу.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия приходит к выводу, что ссылки адвоката Абшилавы на ограничение прав осужденного при ознакомлении с делом, на незаконность судебных решений в этой части являются несостоятельными. Об этом свидетельствует и заявление осужденного Едигаряна в судебном заседании суда апелляционной инстанции, подтвердившего, что с материалами дела он ознакомлен в объеме, достаточном для подготовки к судебному заседанию, переводы основных следственных и судебных документов и решений у него имеются. Адвокат Абшилава также дополнительно изучил материалы дела, что подтверждается его распиской (т.32 л.д.8).

Замечания на протокол судебного заседания адвокатом Абшилавой Г.В. и осужденным Едигаряном поданы, рассмотрены председательствующим в установленном порядке (т. 27 л.д. 209-210, т. 28 л.д. 13-14) и частично удовлетворены. При этом, полагаемая ими неполнота и неточность отражения доказательств в письменном протоколе на законность вердикта повлиять не может и не свидетельствует о процессуальных нарушениях со стороны суда, поскольку в целом протокол соответствует ст.259 УПК РФ. Положениями данной нормы закона не предусматривается стенографирование показаний и выступлений участников процесса, однако при необходимости их дословное

содержание участники процесса могли прослушать на аудиозаписи хода судебного процесса и могли ссылаться на данную аудиозапись при обосновании своих доводов.

Таким образом, судебная коллегия не усматривает оснований для удовлетворения апелляционных жалоб.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 389.20, 389.28, 389.33 УПК РФ, Судебная коллегия

о п р е д е л и л а:

приговор Свердловского областного суда с участием присяжных заседателей от 5 апреля 2018 года в отношении Едигаряна Арама Согомоновича и Алиева Руслана Абдуллаевича оставить без изменения, апелляционные жалобы осужденного Алиева Р.А., адвокатов Анисимовой ОБ., Гаргат О.В., Мархулия Р.Г., Свинцицкой В.В., Абшилавы Г.В., Логинова Д.Н. - без удовлетворения.

Председательствующий

Судьи